

Любовь и правда у Л. Н. Толстого.

I. Два типа моралистовъ.

Если для нѣкоторыхъ моментовъ общественной жизни правильно замѣчаніе Фихте, что одинъ человѣкъ долженъ быть первымъ и что бываетъ имъ тотъ, кто можетъ быть,—для переживаемой исторической минуты, оно, какъ нельзя болѣе, примѣнимо къ Льву Николаевичу. Слова: „Левъ Толстой“ сдѣлались міровыми. Они еще рѣютъ въ сознаніи человѣчества вмѣстѣ съ великимъ и простымъ—ибо „все великое просто“—нравственнымъ обликомъ учителя жизни.

Можно наблюдать и различать два типа учителей жизни. Одни изъ нихъ моралисты по разсудку. Моральная проблема подлежитъ у нихъ методическому и систематическому изслѣдованію.

Напр., Шаронъ, Гельвецій... Контъ, во Франціи, Бутлеръ, Палей... Спенсеръ, въ Англіи, какъ и многіе философы морали другихъ странъ, прежде всего искали теоретической истины. Своей собственной жизнью они не выдѣляются или мало выдѣляются изъ массы людей.

Иной типъ представляютъ моралисты по призванію, моралисты сердца. Для нихъ нравственная проблема рѣшается не усиленіемъ разсудка, а главнѣе усиленіемъ воли. Она рѣшена, если рѣшена не въ мысли, но въ ихъ собственной жизни. Ибо, съ этой точки зрѣнія, мораль заключаетъ въ себѣ не столь добро, найденное въ мысли, сколько добро, претворенное въ жизни. Чтобы стать такимъ моралистомъ, перемѣна въ мысли должна быть связана съ перемѣной въ чувствахъ и поступкахъ. По словамъ Толстого, сила освобождающая каждую частицу людскаго сщщенія (ложью, обманомъ) есть истина. Истина же передается людямъ, только дѣлами истины ¹⁾.

¹⁾ „Въ чемъ моя вѣра“. Стр. 230. 1888 г. изд. 2-е. Genève.

Во имя дѣлъ истины у нихъ возникаетъ борьба воли—трагическій элементъ внутренней душевной работы ¹⁾. Моральная правда, данная „разумомъ сердца“ (выраженіе Л. Н. Толстого) не можетъ остаться бездѣйственной у моралистовъ по призванію. Во имя тѣхъ же дѣлъ истины, она не можетъ не остановить дѣланія того, что ей противоположно ²⁾. Такіе моралисты не только проводятъ новыя борозды или углубляютъ старыя на заростающемъ плевелами и волчцами полѣ моральнаго сознанія людей. Они чувствуютъ призваніе сѣять свою жизнь, сливающуюся у нихъ съ ученіемъ, сѣять ее для моральныхъ всходовъ и жатвъ въ молодыхъ поколѣніяхъ. Проповѣдывать—это соблазнъ, говорилъ Л. Н. Толстой. Надо такъ жить по своимъ принципамъ, чтобы сама жизнь стала проповѣдью ³⁾. Чтобы ученіе и исполненіе были одно ⁴⁾.

Есть нравственныя силы, вліянія ихъ преломляемаго и въ современности на тысячу ладовъ и въ тысячахъ формъ не остановить никакимъ клеймамъ, никакимъ узилищамъ. Ихъ носителей окружаетъ такое моральное міровое гиперпространство, передъ какимъ въ безсиліи останавливаются противники, какое выдѣляетъ ихъ изъ другихъ людей. Но именно вслѣдствіе гиперпространственности и гипервременности, нѣкоторыя черты ихъ жизни-проповѣди являются малопонятными и малоприложимыми для даннаго момента.

¹⁾ См. „Три дня въ деревнѣ“. „Исповѣдь.“ стр. 54 и др.

²⁾ См. „Недѣланіе“ стр. 28. Эта теорія или правильнѣе идея „дѣятельнаго недѣланія“ заимствована Л. Н. Толстымъ отъ Лао-дзы (604 ante Christum N), автора „Дао-дэ-дзинъ“, въ которой находится ученіе о Дао. Новѣйшій изслѣдователь китайской философіи Вильгельмъ Грубе переводитъ слово Дао греческимъ словомъ λόγος — разумъ—норма. Этика даосизма имѣетъ въ своей основѣ теорію У—вэй (Недѣланіе). Вильгельмъ Грубе приводитъ характерное для этой теоріи изреченіе. Полагаемъ, что оно характерно и для обрисовки одной изъ сторонъ моральнаго идеала Л. Н. Толстого: *„Святой человѣкъ пребываетъ въ дѣятельномъ недѣланіи и поучаетъ безъ слова“* — (т. е. своею жизнью).

³⁾ Рѣпинъ. Интимныя страницы. Изд. Сѣверовой.

⁴⁾ Бирюковъ. Біографія Л. Н. Толстого. Т. II. См. Въ „Кругѣ чтенія“ о П. Хельчицкомъ. Въ настоящемъ сборникѣ рѣчь проф. Дм. Ив. Багалъя „Историческая параллель“ (Л. Н. Толстой и Сковорода).

И малопонятые, они сходятъ въ могилу со взоромъ, обращеннымъ къ обители правды, куда стремились всю жизнь и гдѣ выстрадали свое гражданство.

Таковъ Толстой во вторую половину своей жизни.

II. Любовь у Толстого.

Надъ могилой ¹⁾ его достаточно краткой надписи: „я возлюбилъ правду и людей“. Любовь и правда—содержаніе его жизни въ эту эпоху.

Въ основѣ любви этого неохристіанина XX вѣка—самоотреченіе. „Надо всегда дѣлать то, гдѣ больше самоотреченія“: любовь истинная, по мнѣнію Толстого, становится возможной только при отреченіи отъ блага животной личности. Возможность истинной любви начинается тогда, если человѣкъ понялъ, что нѣтъ для него блага его животной личности ²⁾.

Состояніе любви—состояніе благоволенія ко всѣмъ людямъ.

Моральный горизонтъ любви у Толстого широкъ, какъ равнины отечества ³⁾. Она многотерпѣлива, какъ многотерпѣливо идетъ русскій народъ по своему историческому пути. Она грустна, какъ грустна пережитая имъ русская дѣйствительность. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя любить страдающихъ людей, не испытывая грусти. Нельзя сдерживать слезъ, какими не разъ плакалъ Толстой, при сознаніи безсилія помочь тѣмъ, кто съ мольбою простираетъ къ вамъ руки. Особенно, при расширившимся охватъ симпатій, когда нес-

¹⁾ Какой, по словамъ Боборыкина, не было еще вырыто въ Россіи. (Лекція о Толстомъ, произнесенная въ Римѣ). Однако, Боборыкинъ ошибается. Молокане давно хоронятъ своихъ усопшихъ безъ всякихъ обрядовъ.

²⁾ О жизни стр. 116 гл. XXIV. Истинная любовь есть послѣдствіе отреченія отъ блага личности. М. Стаховичъ, близко знавшій Л. Н. говорилъ, что мысль объ отреченіи отъ мірскихъ радостей явилась у Толстого еще въ юности. Въ этомъ отношеніи на него повліялъ романъ Ауэрбаха: „Новая жизнь“.

³⁾ См. статью „Первая ступень“. „Единая Заповѣдь“.

частіе на одномъ концѣ земли, мгновенно отзывается на другомъ ¹⁾).

Связи между народами, но не между ихъ командующими классами (135 стр. „Такъ что же намъ дѣлать“), становятся все моральнѣе и гуманнѣе. Левъ Николаевичъ, быть можетъ, единственный примѣръ челоѣка, наиболѣе сердечно и красочно запечатлѣвшій ученіемъ—жизнью истинный характеръ такихъ крѣпнущихъ связей. Ни одна изъ жизней великихъ современниковъ не имѣетъ подобнаго космоэтического характера ²⁾. Она прошла среди народа, въ которомъ отмѣчено „сильное тяготѣніе къ всечелоѣческому гуманизму“, къ разрѣшенію религіозно-нравственной проблемы. Въ такомъ смыслѣ оцѣнено міромъ и значеніе толстовскаго „оказательства любви“. Надъ его гробомъ націи всего міра протянули другъ другу руки. Отъ русскихъ сѣверныхъ тундръ до южно-африканскихъ колоній, и отъ береговъ великаго океана до страны „восходящаго солнца“, пронеслась скорбь объ утратѣ носителя всечелоѣческой любви ³⁾. Вни-

¹⁾ Толстой глубоко вѣрилъ въ осуществленіе словъ Дюма, о приложеніи въ недалекомъ будущемъ къ жизни закона любви другъ къ другу, о томъ, что люди будутъ охвачены „безумнымъ бѣшенствомъ любви“. („Недѣланіе“ стр. 24).

²⁾ См. огромную „всесвѣтную“ переписку Л. Н. Толстого. (Сборникъ писемъ Л. Н. Т-го I и II ст. изд. П. А. Сергѣенко).

³⁾ На Западѣ, какъ извѣстно, по случаю кончины Л. Н. были подняты траурные флаги на рагушахъ. Назначались собранія, посвященные его памяти. Городскія власти одной изъ частей Берлина постановили назвать улицу его именемъ. Пасторъ евангелической церкви въ Римѣ, въ сердечно сказанной проповѣди приглашалъ прихожанъ почтить память Толстого. Въ Парижѣ предположенъ Л. Н. памятникъ и пр.

На Востокѣ:

Арабская печать въ лицѣ газетъ: Альмукаттамъ, Альхадра, Альихрамъ, Аззухуръ, Лисануль-халь, Альмугаззебъ (органъ сирійскихъ масоновъ, издающійся въ Захле) Альбархъ—всѣ безъ исключенія, говоритъ Сирійскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (изъ Бейрута)—оплакивали „великаго московитскаго мудреца“.

Также поступили „Танинь“ и др. газеты Турціи.

Объ извѣстности Толстого въ Индіи нечего говорить. Не такъ давно обошла всѣ газеты его переписка съ Индусомъ. Популярность имени Толстого въ Америкѣ чрезвычайно широка. Недавно сообщили случай, какъ Эдиссонъ, получивъ краткую записку отъ Л. Н. съ прось-

маніємъ, не имѣющимъ себѣ равнаго въ исторіи человѣческихъ отношеній, люди признали и оцѣнили всечеловѣческую черту любви Толстого, тепло и просто выраженную въ его извѣстной молитвѣ:

„Знаю, что если я въ любви, то я съ Тобой. А если я съ Тобой, то все-благо. Такъ буду же всегда любить всѣхъ въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ“¹⁾.

Передъ кончиной, послѣдними словами Л. Н. были:... люблю истинно, много, много..... „люблю всѣхъ“... и онъ, дѣйствительно, любилъ такъ всѣхъ, и міръ откликнулся ему отвѣтной любовью.

Вторая отличительная черта любви у Толстого знаменитое „*непротівленіе злу насиліемъ*“,²⁾ вызывавшее насмѣшку однихъ, негодованіе и осужденіе другихъ.

„Своего Христа, писалъ, напр., Толстому Побѣдоносцевъ, 15 іюня 1881 г., я знаю мужемъ силы и истины, исцѣляющимъ разслабленныхъ, а въ Вашемъ показались мнѣ черты разслабленнаго, который самъ требуетъ исцѣленія“.

„Есть нѣчто гнетущее, уродливое, позорящее въ этой проповѣди терпѣнія и непротівленія“,—указывалъ М. Горькій на ту же черту толстовскаго ученія, въ своей статьѣ о Достоевскомъ (по поводу рѣчи о Пушкинѣ) и Толстомъ, вышедшей въ Вѣнѣ.

Послѣдуемъ однако мудрому совѣту Спинозы: *non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere*. Не смѣяться, не проклинать, но понимать.

Что въ сущности, означаетъ собою идея непротівленія? Съ научной точки зрѣнія,—какую одну мы имѣемъ въ виду,—ничто иное, какъ крайнее выраженіе индивидуальнаго и со-

бой оказать помощь двумъ русскимъ рабочимъ-крестьянамъ, эмигрировавшимъ въ С.-Америку, пріѣхалъ къ нимъ и увезъ ихъ къ себѣ на автомобилѣ. Въ Англіи Aylmer Maude, написавшій громадное (1, 145 стр.) соч. о Л. Н. (*The Life of Tolstois*. Vol. I, 1908. Vol. II, 1910) между прочимъ чрезвычайно характерно объясняетъ причину составленія своего труда: „Необходима біографія Толстого, которую написалъ бы англичанинъ“.

¹⁾ Письмо къ М. М. Дондуковой-Корсаковой. См. также архивъ Л. Н. Толстого. Вирюковъ. II т. 374 стр. Французскому моралисту принадлежитъ афоризмъ: *La pensée est en moi large comme l'amour*. Толстой могъ бы сказать про себя, что у него *любовь* широка, какъ мысль.

²⁾ Ср. Кругъ чтенія т. I стр. 196. „Непротівленіе злу насиліемъ“.

ціального отказа отъ всякой карательной санкціи. Посмотрите, какъ шель историческій процессъ въ этомъ направленіи. Начальнымъ пунктомъ его было даже не „jus talionis“, о которомъ читаемъ въ Исходѣ: „если будетъ вредъ (гл. 21, ст. 23, 24), то отдай душу за душу, око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу“. Библейское право воздаянія равнымъ за равное принадлежитъ уже сравнительно высокой культурѣ.

„Въ началѣ же кара была гораздо сильнѣе, чѣмъ поступокъ, защита превосходила нападеніе ¹⁾. Раздразните дикое животное—оно разорветъ васъ, обруштесь на свѣтскаго человѣка—онъ отвѣтитъ вамъ остротой, оскорбите философа—онъ вамъ ничего не отвѣтитъ... Было время, когда, защищаясь противъ оскорбителя, его уничтожали. Позже, было замѣчено, что нѣтъ нужды поступать такъ сурово: тогда является попытка точно соразмѣрить рефлексивную реакцію съ нападеніемъ. Въ этотъ именно періодъ слѣдуютъ правилу: око за око...

Съ теченіемъ времени человѣкъ увидѣлъ, что бесполезно даже въ видахъ личнаго сохраненія, непременно соразмѣрять налагаемое наказаніе съ полученнымъ страданіемъ. Онъ стремится уменьшать карательную санкцію и въ будущемъ все болѣе и болѣе станетъ къ этому стремиться, онъ будетъ все рѣже прибѣгать къ этимъ, по словамъ Гюйо, затратамъ соціальной силы, становящимся совершенно бесполезными съ момента, когда онъ превосходятъ единственную цѣль, въ которой находятъ себѣ научное оправданіе, а именно: защиту индивида и общественнаго тѣла, которое подвергается злу нападенія...

Словомъ, вмѣсто суровости и жестокости, все могущественнѣе и дѣйствительнѣе становится тенденція къ минимуму страданія и, наконецъ, его совершенному уничтоженію“

Орудія пытки передовыми народами уже сданы въ музеи. За ними послѣдуютъ и всякія другія формы и орудія карательной санкціи во всѣхъ областяхъ жизни, начиная „закономѣрными“ лишеніями жизни, т.е. самыми ужасными,

¹⁾ См. Ж. М. Гюйо. Очеркъ морали.

отвратительными, безчеловѣчными и кончая такими, напр., какъ линейка педагога ¹⁾).

Хорошо понятное и правильно истолкованное непротивленіе злу насиліемъ имѣетъ своимъ скрытымъ корнемъ глубочайшее уваженіе и любовь къ челоуѣческой личности. Насиліе принижаетъ въ личности челоуѣческое достоинство, пробуждаетъ и воспитываетъ въ ней звѣря, ударяя по діаволу оно всегда задѣваетъ въ челоуѣкѣ Бога ²⁾.

Уничтоженіе всякаго насилія—заключительный, увѣнчивающій аккордъ челоуѣческой ассоціаціи, основанной на любви „ко всѣмъ людямъ, какова бы ни была ихъ нравственная, умственная или физическая цѣнность“.

Нельзя не признать, что идея непротивленія злу насиліемъ подобно маяку озаряетъ рѣзкимъ, рѣжущимъ глаза свѣтомъ нашу современность съ ея гладіаторскимъ взглядомъ на жизнь!

Таковой представляется эта любовь, любовь всечелоуѣчности ³⁾, милосердія, непротивленія ⁴⁾, отреченія ⁵⁾, выросшая подобно евангельскому горчичному зерну и выросшая именно въ условіяхъ русской исторической жизни.

Мало сказать: Толстой — своеобразный послѣдователь Евангелія. Западъ воспринялъ ученіе Христа ранѣе. Однако именно тамъ недоумѣваютъ надъ непротивленскимъ характеромъ Толстовской любви и правды.

На Западѣ, съ его пересѣченной топографіей и болѣе интенсивной жизнью, личность рано столкнулась въ длин-

¹⁾ О послѣднемъ см. Л. Н. Толстой. „Избранныя мысли о воспитаніи и образованіи“. Библіотека свободнаго воспитанія и образованія: Подъ ред. Горбунова-Посадова. Вып. 25-й. 1909 г. Москва.

Отрицательное значеніе насилія понимали болѣе ранніе мыслители даже и не идеалистическаго направленія. „Omne remedium violentum,—говоритъ Бэконъ Веруламскій,—praegnans novi mali. (De augmentis scientiarum. VI. C. III. XLIV).

²⁾ Ср. Кругъ Чтенія. См. Гюйо, Очеркъ морали.

³⁾ См. статью: „О присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи“. 5 ноября 1908 г.

⁴⁾ См. недавнее любопытное письмо къ Гусеву; также А. Фетъ. „Мои воспоминанія“.

⁵⁾ См. „Исповѣдь“. Надо жить по Божьи, отрекаться ото всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ.

ной борьбѣ съ государственной властью за свои права. Народы запада уже распѣвали въ своихъ пѣсняхъ объ исполненіи временъ перековать кресты въ мечи...

Русскіе выросли на равнинѣ съ уходящими въ даль перспективами. Малокультурныхъ, невѣжественныхъ, подъяремныхъ громадному государственному строителству тогдашнихъ жителей нынѣшнихъ центральныхъ губерній Московской, Тульской, „черноземную силу“ и теперь еще ожидающую „зеленаго клина“ и „чернаго передѣла“, исторія воспитала въ беззавѣтной покорности. Въ ихъ характерѣ черты покладистости глушили пока дремавшее и только порою дававшее себя знать чувство права. Вольница, которой тягло становилось не въ моготу, не боролась, не противилась въ длительной, систематической борьбѣ, а „брела розно“, какъ говорятъ хроники, и обыкновенно разсыпалась по окраинамъ безпредѣльной равнины. Такъ возникало казачество. Съ его помощью въ „разиновщинѣ“—„шли за зипунами“, а въ „пугачевщинѣ“—„тряхнуть Москвой“, когда крайности раззоренія, гнета и личнаго надругательства поднимали молчавшее дотолѣ населеніе. Но потухло грозное зарево. И опять начинали „брести розно“. Такъ въ особенности рабредались и уходили люди морально-религіозной складки. Такъ безропотно уходили въ тайгу, приволжскіе лѣса отъ всякихъ помѣхъ религіозно-духовные старо-завѣтники, такъ уходили и новые своеобычники, „богостроители“, „богоискатели“.

Въ массѣ русскій человѣкъ былъ всегда терпѣливъ, выносливъ до фанатизма. Не даромъ, русское упорное „ничего“ сдѣлалось поговоркой на Западѣ. Въ своемъ упорствѣ народъ готовъ страдать до конца, но и стоять на своемъ до конца. (Замѣчательно, что и Толстой, утвердившись въ своемъ непротивленствѣ, до конца остался вѣренъ инициативѣ жизни, упорно проявивъ ее у порога могилы).

Когда же и окраины не спасали, вольница уходила далѣе. Такъ поступали и впослѣдствіи крупныя единицы: за Курбскими—Герцены, Тургеневы... когда отрывались отъ родной пуповины... И съ аннибаловой клятвой они уходили далѣе и далѣе: за-границу.

Толстой въ душевной тоскѣ, съ любовью, припалъ къ матери-землѣ, повилъ себя вѣрою, горемъ мужицкимъ и хотѣлъ остаться сначала на родинѣ. Въ молодости, послѣ одного незваннаго посѣщенія ¹⁾, у него вспыхнуло желаніе бросить все и ѣхать за-границу. Однако, народная стихія, съ которой онъ уже выразумѣлъ свое родство по крови и духу, пока пересилила. Не пустили „Каратаевы“, Сютаевы ²⁾, Бондаревы ³⁾, непоколебимые въ любви и въ долготерпѣніи до страшнаго часа. Сюда относится признаніе Л. Н.: „За всю мою жизнь два русскихъ мыслящихъ человѣка имѣли на меня большое нравственное вліяніе и обогатили мою мысль и уяснили мнѣ мое міросозерцаніе. Люди эти были не русскіе поэты, ученые, проповѣдники, это были два... замѣчательныхъ человѣка, оба крестьяне—Сютаевъ и Бондаревъ („Такъ что же намъ дѣлать“, 2-е изд., стр. 121).

Простые люди ⁴⁾, къ которымъ обратился и Толстой за простой правдой жизни, съ которыми онъ сблизился и которыхъ онъ такъ любилъ, понимали его моральную работу. Одинъ ясно-полянскій крестьянинъ на похоронахъ сказалъ про Толстого: „онъ хорошо узналъ всѣ грѣхи и научился жить по правдѣ“.

Послѣдней мыслью Льва Николаевича объ устройствѣ своей жизни все-таки, говорятъ, была мысль о Болгаріи... Изъ пѣсни слова не выкинешь... И въ предсмертномъ бреду онъ повторялъ: „я пойду, я пойду куда-нибудь, и чтобы никто не мѣшалъ...“ ⁵⁾.

¹⁾ Полиціи съ обыскомъ.

²⁾ По сообщенію близкаго семьѣ Л. Н. Толстого М. С. Сухотина. Левъ Николаевичъ часто повторялъ фразу Сютаева: „*всѣ въ тобѣ*“, т. е. въ самомъ человѣкѣ.

³⁾ См. статью Ив. П. Бѣлоконскаго въ „Русск. Вѣд.“. № 293. Декабрь. 1910 г. „Графъ Л. Н. Толстой и крестьянинъ Бондаревъ“. См. также статью Л. Н. Толстого по поводу сочиненія крестьянина Т. М. Бондарева: „Торжество земледѣльца или трудолюбіе и тунеядство“. (изд. „Посредникомъ“) — „О хлѣбномъ трудѣ“ и въ особенности предисловіе Л. Н. къ этому соч. Бондарева.

⁴⁾ См. Исповѣдь, стр. 64. Трудовой народъ дѣлающій жизнь сталъ Учителемъ Толстого. „Рабочіе люди“ ne sont pas encore assez savants pour raisonner de travers — цитируетъ онъ Монтеня. См. статью „О присоединеніи Босніи etc.“.

⁵⁾ Лекція М. А. Стаховича въ Москвѣ въ Декабрѣ 1910 г. См. также фельетонъ г-жи Кузьминской въ Новомъ Времени 1910. Декабрь.

III. Правда у Толстого.

Охарактеризованная выше любовь, въ сущности, лишь моральная форма чувства для индивидуальных и общественныхъ отношеній.

Чѣмъ должна быть наполнена форма? Гдѣ точка приложенія чувства?

Отвѣтъ даетъ понятіе о правдѣ у Толстого. Ее то онъ и совѣтуетъ искать людямъ. О ней говоритъ во многихъ мѣстахъ своихъ трудовъ. Что же такое она?

Это социальная правда, а не объективная истина, къ которой стремится наука или,—по Толстому—лженаука ¹⁾. (Какъ и всѣ моралисты по призванію, онъ выражается прямо и рѣзко).

Теоретическая наука стремится озарить свѣтомъ знанія тайну мерцающихъ созвѣздіи и проникнуть до мельчайшаго атома вселенскаго организма. Но не оставляетъ ли она темной ночи въ душѣ человѣка, ищущаго смысла и цѣли жизни? Такой вопросъ наукъ ставили и ранѣе Толстого ²⁾.

Прикладная наука даетъ дредноуты, аэропланы, автомобили, минометы, 30-ти этажные дома—говоритъ онъ. И что же? Результатами и той, и другой пользуется лишь

„Уйти отъ всего, уйти отъ роскоши, отъ этой жизни, обличающей насъ на каждомъ шагѣ“... Биографъ Л. Н. *Бирюковъ* въ докладѣ, прочитанномъ въ обществѣ внѣшкольнаго образованія (1910) Москвы, приводитъ изъ послѣднихъ дневниковъ Толстого слѣдующую выдержку: „Все такъ же мучительно—писать Л. Н.—Жизнь здѣсь, въ Ясной Полянѣ, вполне отравлена. Куда ни пойду—стыдъ и страданіе. Все мучительнѣе неправда роскоши среди недолжной нищеты и нужды, среди которой живу. Все дѣлается хуже и хуже, тяжелѣй и тяжелѣй. Не могу забыть этого, ни видѣть. Я долженъ освободиться отъ этого мучительнаго положенія, не могу, такъ жить и не буду. Помогите мнѣ, Господи“

¹⁾ См. статьи: „О ложной наукѣ“, „Неизбѣжный переворотъ“ (Предисловіе). 5 іюля 1909 г. „Что такое искусство“. Изд. 2-е. Исправленное. Заключение. См. ст. (письмо): „О противорѣчіяхъ эмпирической нравственности“. Подробнѣе объ этомъ отношеніи Л. Н. къ теоретической наукѣ см. нашу книжку: „Позитивная наука и ея нѣкоторые критики“. 1911 г.

²⁾ Напр. Darmesteter. Les Prophètes etc.

меньшая половина человѣчества, при томъ себѣ и другой большей трудящейся половиной въ конечномъ счетѣ, во вредъ, ибо не получаетъ душевнаго удовлетворенія. Вспомните объ эпидеміи самоубійствъ среди этой половины. „Несчастіе нашей жизни, какъ мы, богатые люди, ни поправляемся, ни подпираемъ съ помощью науки и искусства эту нашу ложную жизнь, жизнь эта становится съ каждымъ годомъ и слабѣе, и болѣзненнѣе и мучительнѣе, съ каждымъ годомъ увеличивается число самоубійствъ, съ каждымъ годомъ мы чувствуемъ увеличивающуюся тоску нашей жизни“. („Такъ что же намъ дѣлать“. Стр. 129. гл. XXXIX¹⁾). Первая половина—каста съ очищенными ногтями, вставными зубами, дорогими одеждами, убранствомъ комнатъ, изысканными кушаніями. Другая каста полуголодныхъ, грязныхъ, неотдыхающихъ, безграмотныхъ, работающихъ по 16 часовъ въ сутки людей. На нихъ, непользующихся науками и техникой, лежитъ вся тяжесть подпирания своимъ трудомъ и науки, и ученыхъ и тѣхъ кого Толстой называетъ „дармоѣдами“, („Такъ что же намъ дѣлать“. Стр. 131)¹⁾. Переходъ изъ нисшей въ высшую касту возможенъ съ помощью науки т. е. образованія. Невольно возникаетъ вопросъ. Стоитъ ли мишура современныхъ цивилизаціи и культуры не удовлетворяющая даже лучшихъ одной, верхней половины человѣчества, чтобы страдали и умирали во имя ея люди другой, нисшей.

„Неужели такъ надо?“—мучительно спрашиваетъ Толстой (см. статью того же названія).

Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы понять: въ чемъ прежде всего коренится отрицательное отношеніе Толстого къ наукѣ, правильнѣе, къ той чертѣ современной науки, съ государственной печатью на устахъ, что она, дѣля чело-вѣчество на двѣ касты—ученыхъ и невѣжественныхъ, раз-верзаетъ между ними, по утвержденію Л. Н. Толстого, глубокую социальную пропасть, какую нельзя заполнить однѣми книгами, хотя и самыми доброжелательными.

¹⁾ Мысль о двухъ кастахъ, создающихся образованіемъ, явилась у Толстого еще въ 1864 г. См. „Прогрессъ и опредѣленіе образованія“. Ср. также „Мысли, вызванныя переписью въ Москвѣ“.

Возникаетъ вопросъ отрицаетъ ли Толстой науку и искусство, такъ сказать, *in se et per se*? Объ этомъ сложилось обыденное мнѣніе съ положительномъ отвѣтомъ на него. Полагаемъ, что оно едвали правильно и во всякомъ случаѣ требуетъ объясненія. Надо расчленивъ вопросъ. Толстой критикуетъ, при томъ рѣзко и методологически неосновательно, теоретическую, науку. Во вторыхъ, онъ желаетъ, „лженауку“ замѣнить „наукой истинной“, сливающейся у него съ моралью. Мы уже отмѣтили, что дѣйствительный морализмъ въ Толстомъ подавляетъ научный объектизмъ. Наука или ничего не стоитъ или вообще стоитъ постольку, поскольку она завершается этикой. (Развѣ это мнѣніе ужъ такъ далеко, напр., отъ мнѣнія о первенствующемъ значеніи этики Спенсера, который задачей всей своей философской дѣятельности, вѣнцомъ ея поставилъ этику ¹⁾). Почувствовавъ упадокъ силъ и боясь не выполнить этой задачи, англійскій философъ прервалъ текущую работу, веденную имъ по заранѣе обдуманному плану и сразу перешелъ къ этикѣ. Завершивъ ее, возвратился опять къ заполненію пробѣла, сдѣланнаго во имя конечнаго разрѣшенія именно этической проблемы).

Вотъ что говоритъ самъ яснополянскій моралистъ: ...„Наука, искусство“! Вы отрицаете ихъ, т. е. отрицаете то, чѣмъ живетъ человѣчество... Мнѣ постоянно дѣлають,—удивляется Л. Н.—это не возраженіе, а употребляютъ этотъ приѣмъ, чтобы не разбирая ихъ отбрасывать мои доводы. „Онъ отрицаетъ науку и искусство, онъ хочетъ вернуть людей къ дикому состоянію, что же слушать его и говорить съ нимъ“. Но это несправедливо. Я не только не отрицаю науку, т. е. разумную дѣятельность человѣческую, и искусство—выраженіе этой разумной дѣятельности, но я только, во имя этой разумной дѣятельности и выражений ея говорю то, что я говорю, только для того, чтобы была возможность человѣчеству выйти изъ того дикаго состоянія, въ которое оно быстро впадаетъ, благодаря ложному ученію нашего времени, только для этого я и говорю то, что я говорю.

¹⁾ Но этику, конечно, теоретическую, а не практическую, въ чемъ большое различіе между англійскимъ и русскимъ моралистами.

Наука и искусство также необходимы для людей какъ пища и питье и одежда, даже необходимѣе¹⁾.

Но необходимыми дѣлаются они будучи истинными, будучи во вторыхъ, поставлены совершенно въ иныя условія соціальнаго пользованія ими чѣмъ нынѣ. Нынѣ же они приносятъ неисчислимый вредъ. Здѣсь трагическая черта нашей дѣйствительности, пропитанной наукой и искусствомъ, которыя могутъ сдѣлаться благословеніемъ челоуѣчества, а становятся какъ бы его проклятіемъ.

Гдѣ же выходъ?

Онъ простъ и въ томъ, чтобы наука перестала быть ложной наукой, сдѣлалась бы наукой истинной, а это значитъ, чтобы наука истинная служила всѣмъ, а не только „верхнимъ 10.000“. Это значитъ чтобы истинная наука объяснила каждому челоуѣку, что ему надо дѣлать для того, чтобы не могло быть людей голодныхъ или лишенныхъ возможности пользоваться землей, на которой они родились, чтобы не было женщинъ, отдающихъ на поруганіе свое тѣло, чтобы не было соблазна, пьянства, алкоголя, табака, чтобы не было дѣленія на враждебные народы, не было бы убійствъ... и многого другого. Мало того, людямъ занятымъ истинной наукой надо будетъ уяснить, что надо дѣлать каждому че-

¹⁾ „Такъ что же намъ дѣлать. Гл. XXXVI. Когда рѣчь эта была уже подготовлена, мы съ чувствомъ удовлетворенія прочли въ статьѣ Г. А. Хирьякова (Русск. Вѣд. 1910 г., № 280) „Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ“ подтвержденіе нашего взгляда на лейтъ-мотивъ отношенія Л. Н. Толстого къ наукѣ. Г. А. Хирьяковъ приводитъ нижестѣдующія слова великаго писателя, сказанныя имъ въ разговорѣ съ однимъ изъ близкихъ людей еще въ 1893 году. Г. А. Хирьяковъ говорить: Слова эти были мною тогда же записаны, и если запись эта и не буквально точная, то за точную передачу мысли я вполне могу ручаться.

„Когда общественная жизнь,—сказалъ Толстой,—построена на любовныхъ, братскихъ началахъ, и наука и искусство служатъ всѣмъ людямъ одинаково, тогда имѣютъ полное право на существованіе и картины Рѣпина, и философскій журналъ Грота, и романы Толстого. Но если этого нѣтъ, если наука и искусство служатъ только небольшой кучкѣ счастливцевъ, тогда картины Рѣпина, журналъ Грота и романы Толстого являются безмѣрной роскошью, кондитерскимъ пирожнымъ среди голодающихъ“.

ловѣку для того, чтобы хорошо воспитывать дѣтей, чтобы хорошо жить вмѣстѣ, чтобы хорошо питаться, чтобы хорошо воздѣлывать землю. Такъ много такихъ, говорилъ Л. Н. Толстой и много, много другихъ важныхъ вопросовъ будетъ стоять передъ людьми, занятыми истинной наукой, что едва ли когда-нибудь будутъ они въ состояніи и захотятъ заняться взрывчатыми веществами, подводными лодками... и пр...

Скажу коротко.

Правда Толстого и его жизни не въ томъ, чтобы современнымъ рабамъ, во всѣхъ смыслахъ, становилось лучше, но чтобы вовсе не было никакого рабства ¹⁾.

(„Не дѣлайтесь рабами человѣковъ“. 1-ое посланіе къ Коринѣ. Г. 7. ст. 29).

Какъ и всѣ моралисты Божіей милостью, Левъ Николаевичъ не удовлетворялся относительной правдой. Онъ училъ и служилъ правдѣ принципиальной. Во имя нея онъ принялъ свое предсмертное, правильнѣе сказать, смертное рѣшеніе.

Про такую правду французскій поэтъ-философъ сказалъ:

*«Я знаю: мучительно больно отъ правды. Быть можетъ умри—кто смотритъ въ глаза ей. Пусть будетъ что будетъ ²⁾.
О, глазъ мой смотри» ³⁾.*

¹⁾ См. „Кругъ Чтенія“. Выписка изъ Герцена. См. также „L'esclavage de notre temps“. L. Tolstoy. 1902. Политическій характеръ ученія Л. Н. Толстого, какъ извѣстно, характеризуютъ и у насъ, и на Западѣ (см., напр., книгу Эльцбахера „Анархизмъ“) — анархическимъ.

²⁾ 3 ноября, Л. Н., за нѣсколько дней до смерти, написалъ послѣдній разъ въ своемъ дневникѣ, веденномъ имъ въ теченіе долгихъ лѣтъ: „Fais ce que dois, adv... (advienne que pourra). Въ статьѣ о „Смыслѣ жизни“ 1900 г. читаемъ слѣдующія характерныя заключительныя строки: „Каждый приходитъ къ истинѣ своими путями; но одно могу сказать, что то, что я пишу, не слова, а этимъ живу, только этимъ счастливъ и съ этимъ умру“. Какъ видитъ читатель, Левъ Николаевичъ осуществилъ что говорилъ.

³⁾ M. Guyau. Vers d'un philosophe. La douce mort.

„Le vrai, je sais, fait souffrir;
Voir, c'est peut être mourir;
N'importe! ô mon oeil, regarde!“

Проф. Ар. Фатѣевъ.

Г. С. Сковорода и Л. Н. Толстой. Историческая параллель.

(Речь проф. Д. И. Багалъя).

Еще долго не сгладится въ русскомъ обществѣ тяжелое чувство, вызванное кончиною „величайшаго изъ великихъ“ нашего времени—Льва Николаевича Толстого; еще долго общество будетъ находиться подъ впечатлѣніемъ этой исключительной утраты. Къ обычному *jus tantum* (праву мертвыхъ) на погребальную почестъ со стороны живущихъ, которое свойственно даже первобытнымъ, нецивилизованнымъ народамъ, въ данномъ случаѣ присоединится то, что оживить и возродить обликъ почившаго въ свѣтлой, яркой, благодарной памяти цѣлаго ряда послѣдующихъ поколѣній: это уже исключительное право генія—возрождаться и какъ бы жить новою жизнью послѣ смерти въ сознаніи потомства. Въ самомъ дѣлѣ: неужели не живутъ въ нашемъ сознаніи Сократъ, Шекспиръ, Пушкинъ? Вѣдь они и теперь заставляютъ переживать каждаго изъ насъ то, чѣмъ они жили, что они чувствовали. На помощь нашей потребности въ такихъ переживаніяхъ приходитъ и *наука*: она вступаетъ въ свои права наслѣдника немедленно послѣ того, какъ обнаружится общественная скорбь. Точное воспроизведеніе жизни дѣятеля въ связи съ его эпохой, установленіе критическимъ путемъ подлиннаго текста его сочиненій, уясненіе ихъ настоящаго смысла и значенія, опредѣленіе тѣхъ вліяній, которыя воздѣйствовали на писателя—вотъ тѣ проблемы, которыя требуютъ въ такихъ случаяхъ научной работы не только отдѣльных лицъ, но и цѣлыхъ учреждений (академій, ученыхъ обществъ, подчасъ, какъ это было съ Шекспиромъ, специальныхъ); такъ будетъ, увѣрены мы, и съ изученіемъ Л. Н. Толстого, которое приметъ, да уже отчасти и приняло не только національный, но и интернаціональный характеръ.

Настоящее собраніе, по характеру своему, какъ вы могли убѣдиться, представляетъ первую у насъ въ Харьковѣ попытку подойти къ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности Л. Н. Толстого съ научной точки зрѣнія. Да и не могли, конечно, мы, дѣятели науки, выступать иначе—таковы уже наши навыки и привычки. Само собою разумѣется однако, что наши попытки носятъ самый первоначальный характеръ—это легкіе наброски: по крайней мѣрѣ, такъ смотрю я на свой безпритязательный этюдъ; это скорѣе постановка, чѣмъ рѣшеніе вопроса, но постановка, на мой взглядъ, законнаго, необходимаго вопроса.

Нельзя себѣ представить историческаго дѣятеля внѣ связи со средой, его окружающей, внѣ вліяній, такъ или иначе на него дѣйствовавшихъ. Отъ такихъ вліяній не свободны самые выдающіеся умы, наиболѣе самостоятельные и оригинальные мыслители. При этомъ, конечно, всегда дѣйствуетъ и другое начало—вліаніе исторической личности на окружающую среду и чѣмъ выше, геніальнѣе личность, тѣмъ больше она можетъ дать обществу, взамѣнъ того, что получила отъ него.

Такимъ образомъ и Л. Н. Толстого, какъ философа, мыслителя и моралиста, мы должны поставить въ историческую обстановку, т. е. установить связь его личности и идей съ дѣятелями прошлаго. Здѣсь нѣтъ рѣчи, конечно, о механическихъ заимствованіяхъ: великій человѣкъ такъ самостоятельно перерабатываетъ чужое, даетъ ему такія оригинальныя формы выраженія, что оно является его собственнымъ, индивидуальнымъ. Но стоитъ обратить вниманіе хотя бы только на „Кругъ Чтенія“, составленный Л. Н. Толстымъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ высоко цѣнилъ онъ мысли другихъ философовъ, близкихъ ему по духу; это какъ бы его истинные друзья, къ которымъ онъ, какъ извѣстно, обращался и въ свои предсмертныя минуты. Это будутъ и древніе, и новые мыслители и писатели—Сократъ, Маркъ Аврелій, Конфуцій, Будда, Платонъ, Аристотель, Паскаль, Руссо, Спиноза, Лютеръ, Кантъ, Рескинъ и др. Одному изъ такихъ близкихъ по духу лицъ—чешскому крестьянину Петру Хельчицкому, жившему и писавшему въ первой половинѣ XV в.

Л. Н. Толстой посвятилъ особый этюдъ въ своемъ „Кругъ Чтенія“, гдѣ, между прочимъ, высказалъ мысль, что книга Хельчицкаго „Сѣть вѣры“, изданная нашей русской Академіей Наукъ, несмотря на свою старину, „слишкомъ опередила свое время“ и „пора ея плодовъ еще не настала“. Другимъ такимъ близкимъ по основамъ жизни и ученія предшественникомъ Л. Н. Толстого является знаменитый украинскій философъ и въ то же время первый самостоятельный представитель русской философіи Григорій Саввичъ Сковорода. Изъ него также приводитъ Л. Н. Толстой слѣдующій замѣчательный афоризмъ: „благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ“. Когда въ 1894 г. вышло подъ моею редакціей изданіе собранныхъ мною сочиненій Г. С. Сковороды съ его біографіей, то одинъ англійскій ученый г. Джонстонъ, ^еознакомившись съ нимъ, возымѣлъ было намѣреніе издать книгу для англичанъ и американцевъ подъ заглавіемъ— „Предтеча Л. Н. Толстого— Г. С. Сковорода“. Такъ много сходныхъ чертъ онъ увидѣлъ въ ученіи и жизни обоихъ мыслителей и моралистовъ.

И дѣйствительно, это сходство можно было бы установить на основаніи многочисленныхъ параллелей и сопоставленій. Не желая утомлять вниманіе присутствующихъ, я отмѣчу только сходство въ томъ, что составляетъ самую сущность жизни и ученія того и другого мудреца.

Оба они стремились согласовать свою жизнь со своимъ ученіемъ и въ основу жизни оба положили стремленіе къ опрощенію, при чемъ Г. С. Сковородѣ удалось вполне разрѣшить эту задачу: онъ жилъ такъ, какъ училъ, а училъ такъ, какъ жилъ. Г. С. Сковорода совершенно опростился въ своей личной жизни. Его широкое образованіе, умъ, краснорѣчіе открывали передъ нимъ возможность достиженія самыхъ высокихъ степеней въ церковной іерархіи, но онъ добровольно сдѣлался странствующимъ проповѣдникомъ, отрицавшимъ деньги и всѣ жизненные удобства, бездомнымъ и безсемейнымъ, ѣлъ самую простую пищу, не ѣлъ мяса, любилъ природу и музыку, самъ игралъ на флейтѣ, ходилъ въ крестьянскомъ платьѣ и велъ такую жизнь въ теченіе болѣе четверти вѣка, странствуя пѣшкомъ съ посохомъ въ рукѣ и ко-

томкою, въ которой была его любимая книга—Библия, повторя постоянно, что избранный имъ путь даетъ ему счастье, душевный міръ, сердечное веселіе и умирая самъ себѣ составилъ характерную эпитафію; „міръ меня ловилъ, но не поймалъ“. Левъ Николаевичъ все время мучительно чувствовалъ разладъ между своею проповѣдью и жизнью и этотъ разладъ закончился его уходомъ изъ Ясной Поляны. Еще въ 1897 г., какъ оказывается теперь, онъ написалъ письмо женѣ, которое однако не было отправлено ей тогда и передано только теперь. Въ немъ Л. Н. писалъ: „меня давно мучить несоотвѣтствіе обстановки моей жизни съ моими вѣрованіями... Продолжать такъ жить, какъ я жилъ за послѣднія 16 лѣтъ, подпадая различнымъ соблазнамъ, я больше не могу. Теперь я рѣшилъ сдѣлать то, чего давно уже желалъ. Вступая въ 70-й годъ своей жизни, я хочу уединенія, хотя бы не полнаго; хочется согласія, а не кричащаго разногласія моей жизни съ вѣрованіями и требованіями моей совѣсти“. Послѣ передъ уходомъ изъ Ясной Поляны Л. Н. Толстой писалъ письмо въ такомъ же смыслѣ своему кievскому почитателю. Но онъ ушелъ изъ Ясной Поляны тогда, когда жизнь была уже прожита и не могъ бы такъ простосердечно, какъ Сковорода, сказать о себѣ, что міръ его ловилъ, но не поймалъ... Какимъ прекраснымъ свѣточемъ могъ представляться ему при такомъ настроеніи старчикъ Сковорода, который такъ просто и послѣдовательно разрѣшилъ эту проблему жизни.

Если теперь мы обратимся къ этикѣ Л. Н. Толстого и Г. С. Сковороды, то и здѣсь мы найдемъ въ самой основѣ ея общія сходныя черты. Чрезвычайно яркое выраженіе этическихъ требованій Л. Н. Толстого нашли себѣ въ его теоріи „недѣланія“, вызванной письмами къ учащейся французской молодежи Э. Зола и Дюма. Критикуя идею Зола, что основу счастья составляетъ трудъ во имя науки, Л. Н. вспоминаетъ мало извѣстнаго китайскаго философа Лаодзи, который училъ, что высшее благо какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ пріобрѣтается не трудомъ, а *недѣланіемъ*. „Всѣ бѣдствія людей, по ученію Лаодзи, происходятъ отъ того, что они дѣлаютъ то, чего не нужно дѣлать. И потому люди

избавились бы отъ всѣхъ бѣдствій личныхъ и общественныхъ, если бы они соблюдали недѣланіе. И я думаю, говорить Л. Н., что онъ совершенно правъ... Когда мнѣ разсуждать съ вами о философіи, нравственности и религіи? Мнѣ надо издавать ежедневную газету съ $\frac{1}{2}$ мил. подписчиковъ, мнѣ надо строить Эйфелеву башню, устраивать выставку въ Чикаго, прорывать Панамскій перешеекъ, дописать 28-й томъ своихъ сочиненій, свою картину, оперу. Такъ говоритъ каждый изъ насъ. А намъ нужно одуматься, измѣнить свое пониманіе жизни, отказаться отъ ея языческаго склада, возлюбить всѣхъ и искать внутри себя Царства Божія и правды его“.

Такое же „недѣланіе“ проповѣдовалъ и Г. С. Сковорода. Сущность его христіанской философіи состояла въ антитезѣ двухъ началъ—вѣчнаго и временнаго—матеріальнаго и духовнаго и въ доказательствѣ превосходства перваго надъ вторымъ. Эти два начала существуютъ и въ человѣкѣ. Счастье свое мы должны основывать на началахъ вѣчности, а не на томъ, на чемъ его обыкновенно строятъ (богатствѣ, чинахъ, здоровьѣ и т. п.)—только тогда оно сдѣлается достижимымъ для всѣхъ и нетруднымъ. Счастіе внутри насъ: познавъ себя, мы найдемъ свой душевный миръ, достигаемый мудростью и добродѣтелью; чтобы достигъ его, нужно слить свою волю съ волей Божіей—подмѣнить свои склонности и способности, данныя Богомъ, найти царствіе Божіе внутри себя. Исходя изъ такого пониманія счастья, Сковорода восхвалялъ простоту жизни, близкую къ природѣ, бѣдность, полезный трудъ. О недѣланіи онъ выражается такъ: „если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лечился или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣря, тогда бы я казался занятъ дѣломъ... Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка; продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣря? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую гос-

пожу тѣла нашего душу. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ. И не всѣмъ ли мы избыточны? Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ: совсѣмъ тѣлѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ; одной только души нашей не имѣемъ. Есть правда у насъ и душа, но таковая, какъ у подагрика ноги“. Такъ писалъ Г. С. въ письмѣ къ нѣкому Андрею Дорофеевичу. И въ письмѣ къ полк. Тевяшову онъ выразился не менѣе опредѣленно: „высокихъ фамилій люди не только въ тяжбахъ, войнахъ, коммерціяхъ, домостроительствахъ, художествахъ, но и въ *самомъ первомъ пунктѣ*, сирѣчь, въ *мысляхъ до Бога касающихся*, должны находить истину“.

Замѣчается сходство между Г. С. Сковородой и Л. Н. Толстымъ и въ томъ, наконецъ, основномъ пунктѣ, что идеологія того и другого не была приспособлена къ современной имъ дѣйствительности. Г. С. Сковороду очень цѣнили и уважали за его жизнь, за стремленіе къ правдѣ и истинѣ, но настоящихъ послѣдователей у него было не много; его практическій идеалъ нравственности христіанскаго общества былъ слишкомъ утопиченъ; современное общество было мало знакомо съ его сочиненіями—и онъ стоялъ сравнительно одинокимъ, оторваннымъ отъ существенныхъ интересовъ окружающаго общества. Но онъ былъ какъ бы олицетвореніемъ общественной совѣсти, живымъ укоромъ противъ увлеченія матеріальными благами. Тоже самое до нѣкоторой степени нужно сказать и о Л. Н. Толстомъ.

Говоря объ идейномъ наслѣдіи, оставляемомъ великимъ человѣкомъ своему народу и человѣчеству, необходимо различать два рода этихъ идей; однѣ изъ нихъ проникаютъ въ общественное сознаніе, входятъ въ наше право, въ наши нравы и привычки, иными словами, становятся культурно историческими факторами, общественнымъ убѣжденіемъ или правилами даже для тѣхъ, кто ихъ не раздѣляетъ; другія идеи, несмотря на свою высоту, а, можетъ быть именно вслѣдствіе своей высоты и неприспособленности къ живой дѣйствительности, къ слабости человѣческой натуры, вслѣдствіе своей утопичности, хотя и ставятъ на недостигаемую высоту самаго выразителя ихъ, захватываютъ небольшой

кругъ вѣрныхъ послѣдователей, но не находятъ себѣ со-
отвѣтственнаго выраженія въ людскомъ общежитіи и не дѣй-
ствуютъ на общественный порядокъ. Мнѣ кажется, что
идеологія Л. Н. Толстого носитъ на себѣ именно эти пос-
лѣднія черты. Мы цѣнили его какъ мыслителя за его по-
стоянное, страстное исканіе истины, мы преклоняемся передъ
его стремленіемъ къ правдѣ и видимъ въ немъ какъ бы
осушествленіе нашей совѣсти; но скажемъ откровенно: много-
ли найдется такихъ, кто вполне раздѣляетъ его міросозер-
цаніе, а главное рѣшилъ жить или живетъ, согласно его
ученію? Ко Л. Н. Толстому, примѣнимо то, что онъ сказалъ
о Хельчицкомъ: онъ слишкомъ опередилъ свой вѣкъ. Но
этого мало: по основнымъ свойствамъ своего міровоззрѣнія
Л. Н. и не могъ быть практическимъ дѣятелемъ—проповѣд-
никомъ своихъ идей въ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо
въ основѣ его міросозерцанія лежала не столько сила идей-
ной проповѣди, сколько собственное нравственное усовершен-
ствованіе и вліяніе личнаго примѣра жизни на окружаю-
щихъ.

Любопытно, что и у Г. С. Сковороды былъ такой же другъ
и ученикъ М. И. Ковалинскій, какъ у Л. Н. Толстого Чер-
тковъ. Ковалинскій написалъ біографію своего учителя и
составилъ надгробную эпитафію, которая начинается такъ:

Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ,
Любитель простоты и отъ суетъ свободы.

Она даетъ вѣрное представленіе о духовномъ обликѣ
украинскаго философа и о близости его съ Л. Н. Толстымъ.
Конечно, всѣ сдѣланныя нами сближенія сами по себѣ еще
не устанавливають окончательно факта знакомства Л. Н.
Толстого съ личностью и сочиненіями Г. С. Сковороды. Но
благодаря счастливому случаю, оказывается возможнымъ
доказать, что такое знакомство дѣйствительно имѣло мѣсто.
Оно удостовѣрено г. Измайловымъ, который пишетъ:

„Въ единственный и вѣчно памятный вечеръ, когда
мнѣ выпало счастье видѣть Толстого и говорить съ нимъ,
въ бесѣдѣ о Христѣ и христіанствѣ я къ слову упомянулъ
имя извѣстнаго Григорія Сковороды. Ахъ, вы знаете Сково-

роду, нѣжно и радостно сказалъ онъ, какъ въ бесѣдѣ съ незнакомымъ говоритъ человѣкъ о третьемъ, обоимъ знакомомъ и любимомъ. Знаю и очень люблю. Этимъ вы обязаны Духовной Академіи. Вообще же его забыли и такъ немногіе знаютъ. А какое удивительное лицо! И онъ продолжалъ съ тою же нѣжностью. Многое изъ его міровоззрѣнія мнѣ такъ удивительно близко. Я недавно только что еще разъ перечиталъ его. Мнѣ хочется о немъ написать. И я это сдѣлаю. Его біографія, м. б., еще лучше его писаній. Но какъ хороши и писанія! И онъ еще долго любовно говорилъ о нашемъ первомъ и до сихъ поръ чуть ли не единственномъ русскомъ философѣ и о томъ, какъ полезно напоминать о такихъ необыкновенныхъ людяхъ, и вотъ объ этомъ, въ вѣкъ Елизаветы и Екатерины явившемъ въ варварской Россіи удивительный примѣръ подражанія Христу до полного безсребренничества, до бездомности, до безпріютности“.

Свидѣтельство г. Измайлова документально подтверждаетъ устанавливаемую мною историческую параллель.

Пусть же заключительнымъ аккордомъ не только моей, но и всѣхъ предыдущихъ бесѣдъ будетъ чудное стихотвореніе *Тютчева* „Silentium“, которое такъ любилъ Л. Н. и которое онъ помѣстилъ въ Кругъ Чтенія.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмущишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣплять лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи.

